

Можно попытаться обогнать время, каким бы быстротечным оно ни было. Но сложнее всего обогнать смерть.

Особенно если та дышит тебе в затылок.

Огромный лес, простиравшийся на многие мили вперед, был скован холодом и туманом. Солнце уже неделю не показывалось из-за хмурой пелены туч, погружив чащу в полумрак и безмолвие — будто кто-то остановил течение времени. И только маленькая девичья фигурка мелькала среди деревьев, уносясь от погони.

Из рта Айны Пендрегар вырывался пар разгоряченного дыхания. Полы ее потрепанной накидки то и дело цеплялись за ветви колючих кустов, а ноги спотыкались о вьющиеся корни деревьев, словно те не желали ее пропускать. Айна вскидывала ладони и резкими магическими выплесками отбрасывала от себя голые ветки, а затем продолжала бег. Не хотелось терять ни секунды: ее вот-вот могли настигнуть...

А ведь когда-то род Пендрегар был уважаем и чтим. Ее мать, Мёрвен Пендрегар, была женщиной

с нележкой судьбой, но смогла стать значимой фигурой в колдовском сообществе. Уж с ней-то всегда считались. Айна отлично помнила, как ведьму боялись, и неспроста: ее окрестили Кровавой Морвен за особенно жестокие расправы над теми, кто не пожелал присягнуть ей на верность. Век Морвен оборвался: члены колдовского круга не пожелали встать на ее сторону и пойти против Инквизиции. Они предпочли собственными руками уничтожить ведьму, чтобы заслужить благосклонное расположение церкви и мирно сосуществовать с нею. Айна же всегда считала путь Пендрегаров единственно верным: как можно сидеть сложа руки, когда твоих братьев и сестер сжигают на кострах, устраивают показательные казни?

Однажды Айна присутствовала на сожжении ведьмы и своими глазами видела мучения ни в чем не повинной женщины. Айна смотрела, как с костей несчастной лоскутами слезала плавящаяся плоть, а обезображенное лицо искажалось в гримасе агонии. Айне хотелось впитать каждое мгновение увиденного, вытатуировать на подкорке, чтобы навеки запомнить, как страшен человек.

Он не заслуживал пощады. Равно как и те, кто преклонился перед его мнимым величием.

По чужому велению кора дерева кусочками отделилась от стволов позади Айны и осыпалась, превратившись в острые, точно наточенные шипы. Со свистом те полетели ей в спину, направляемые чьей-то рукой, и Айна чудом успела увернуться. Дыхание ее сбилось, сердце оглушительно забило в груди. Она резко оглянулась и заметила очертания нескольких фигур, что гнались за ней через весь лес. Одеты преследователи были в черные и белые плащи, по кото-

рым не составляло труда опознать ведьм местного ковена и друидов. Айна ускорила шаг, не замечая ноющей боли в натруженных мышцах, и с горечью подумала, что сейчас, в век, когда за ведьмами охотятся обычные люди, сами же ведьмы помогают им и будто не прочь сделать за них всю грязную работу. В одночасье ближний друг обернулся врагом, мир перевернулся с ног на голову и правила игры поменялись для ее семьи раз и навсегда. Морвен была уничтожена, братья Айны, Бриан и Руадан, рожденные от разных отцов, уже пойманы и брошены в заколдованную темницу, где ожидали смертного часа.

Настал черед Айны, последней из рода Пендреггар.

Она, как могла, отражала враждебную магию, грозившую вонзиться в ее плоть, но силы ее неумолимо истощались. Все, что оставалось, — это бежать, не разбирая дороги. Каждый неверный шаг, каждая потраченная впустую секунда могли стоить ей жизни.

Очередной магический залп вспорол мерзлую землю под ее ногами, вынуждая отступить, но Айне удалось удержаться и не упасть. Второй всплеск силы просвистел у самого уха, едва не задев лица. Страх в сердце Айны нарастал, каждый вдох давался ей через боль. В такие страшные секунды перед глазами у нее вставал ожесточенный взгляд матери, говоривший ей, как она слаба и недостойна зваться именем великого рода. И тогда в душе Айны вскипала настоящая ярость. Та бежала по венам, разливалась по всему телу и позволяла выдавить из себя последние соки ради выживания.

Морвен Кровавая была для Айны примером во всем. Мать была сильной, жесткой и детей воспитывала по своему подобию. Вокруг себя она возвела целый

культ и вершила своеобразное правосудие. Но в какой-то момент она перешла запретную грань, за что была сурово наказана: с трудом изловив Морвен, колдовской Трибунал казнил ее, разорвав на куски, и разослал по кусочку осужденной каждому ее пособнику, включая членов семьи. Когда Айна с братьями получили «послание» в виде материнской головы, гневу их не было предела. Они решили мстить, и жестоко. Но финал всех ждал одинаковый — казнь. И прямо сейчас Айна старалась обогнать смерть.

В этот миг что-то ударило ее в спину. Она осталась и обмерла. Позвоночник и мышцы сковало льдом, грудь сдавило, и вдохнуть хоть раз не представлялось возможным. Айна стояла, пытаясь пошевелиться, но вскоре повалилась наземь. Руки и ноги ее тут же обвили древесные корни, полностью обездвигив. И только когда преследователи подошли ближе, она смогла нормально дышать.

Над ней склонились пятеро: две ведьмы и трое колдунов в белых друидских плащах. Айна судорожно гоняла по легким воздуху и с ненавистью смотрела в пустые глаза своих палачей. Ведьмы и колдуны глядели холодно, без капли жалости, а рты их изогнулись в презрительной ухмылке. До сих пор Айне удавалось избегать поимки, но, похоже, и ее час пробил. Отступить больше некуда.

— Попалась, беглянка, — почти выплюнула одна из ведьм, снимая капюшон и убирая сидящие космы за спину.

Айна наградила ее яростным взглядом. Она чувствовала себя загнанным зверем, что угодил в капкан, и готова была отгрызть себе ногу, чтобы сбежать,

но, увы, это было невозможно: заколдованные пути связали ее крепко-накрепко.

— Теперь ты отправишься вслед за своими братьями, — отчеканила вторая ведьма. Уголок ее сморщенных губ пополз вверх.

Сердце Айны пропустило удар.

— Что с ними сделали?.. — пробормотала она, заранее боясь услышать ответ. Последней вестью о судьбе Бриана и Руадана было их заключение под колдовскую стражу, но как сложилась их дальнейшая судьба — можно было лишь с ужасом догадываться. Сердце Айны сжалось в предчувствии страшной вести.

— А ты не слышала, ведьма? — усмехнулся молодой друид. — Пять дней назад их казнил Трибунал за преступления против общины.

Айна впустила его слова внутрь себя, и они разрезали ее сердце на кусочки. Она взвыла зверем, и вой ее разнесся по ноябрьскому лесу. Айна была разбита потерей, почти уничтожена: ее любимые братья отправились в небытие, а она даже не смогла с ними попроситься, находясь в позорных бегах.

Смерти родных она никогда не простит. Никогда.

— Трибунал уже давно томится в ожидании, Айна Пендрегар, — отчеканил седобородый старец-друид, морща большой нос от одного лишь ее имени. — Завтра на рассвете тебя казнят.

По оконному стеклу, не переставая, барабанил осенний дождь. Последние теплые августовские деньки в Бэйквелле пронеслись порывом ветра, сорвали листочки настенного календаря и уступили прохладному сентябрю.

В обычный день дверь «Лавки на Тихом холме» не закрывалась от сновавших туда-сюда людей, но в такой ливень большой надежды на посетителей не было. И все же Регина Дарквуд продолжала стоять за прилавком, переворачивая со скукой страницы утренней газеты. Внимание ее привлекла небольшая заметка почти в самом конце полосы:

«В лесах графства Стаффордшир обнаружен труп семнадцатилетней Элизы Брекстон, пропавшей неделю назад. В ходе вскрытия было установлено, что причиной смерти стал перелом шейных позвонков. Иных следов насилия или сопротивления обнаружено

не было. Широкой общественности уже известен ряд похожих инцидентов, произошедших тремя и пятью годами ранее в графстве Йоркшир, близ болот Илли-Мур, а также в графстве Норфолк, на окраине парка Тетфорд, соответственно. Почерк преступлений идентичен и прослеживается четко: у всех найденных жертв сломаны шеи, а возраст убитых варьируется от семнадцати до двадцати лет. Однако версия о серийном убийце уточняется следствием».

Регина последний раз всмотрелась в фотографию убитой, на чьем лице навечно застыла беззаботная улыбка, и сложила газету пополам. Могла ли Регина быть на ее месте и улыбаться сквозь разводы типографской краски? Безусловно, могла. Огорчился бы читатель, глядя на ее предсмертную фотографию за завтраком с чашкой крепкого кофе? Едва ли кто-то вообще обращал внимание на подобные объявления и новостные сводки, если только они не полнились кровавыми подробностями. В тени рутины бесконечных дел, праздности и суеты совершались разного рода гнусности, но многие предпочитали закрывать на них глаза. Если бы на месте погибшей оказалась Регина, вряд ли бы о ней вспомнили на следующий день. Новый инфоповод затмил бы ее гибель, и имя Регины пропало бы в анналах быстротечной истории. Еще одна из тысячи, ничего особенного.

Мерзопакостная погода добавляла Регине мрачных мыслей: еще до дождя воздух на улице наэлектризовался так, что пальцы потрескивали, касаясь предметов вокруг. Сердце необъяснимо наполнилось тревогой и странными предчувствиями, а завывания ве-

тра за дверью пробуждали ото сна армию мурашек на коже.

Взгляд Регины упал на полки: баночки плотными рядами тянулись от одного конца стеллажа до другого и ждали своих покупателей. Они таинственно поблескивали в тусклом свете «Лавки»; этикетки, повязанные тонкой бечевкой, легонько подрагивали на сквозняке, что тянулся от двери. Магазин Регина с матерью держали на двоих уже много лет — тот кочевал с ними из города в город, как верный пес за своим хозяином. Мать Регины, Гвендолин, варила причудливые бальзамы, настойки и зелья, как она их сама называла, способные изменить жизнь человека к лучшему. Регина всегда считала это не более чем рекламным ходом, который, кстати, отлично работал: баночки и пузырьки с забавными этикетками «*От хворей*» и «*От несчастной любви*» разбирали сразу же, как те появлялись на полках.

Гвендолин была настоящим мастером в приготовлении снадобий для «Лавки». Регина помнила, как еще ребенком помогала матери варить пахучие смеси: тимьян и ромашка — от головной боли, дудник и ягоды можжевельника — для защиты от темных сил. Регина никогда всерьез не задумывалась, от каких темных сил должны были защищать снадобья, и считала все это баловством, в духе викканских зеленых ведьм. Но сам процесс создания бальзамов и настоек Регине нравился, успокаивал и дарил надежду. С самого утра они с мамой могли оккупировать кухню и весь день напролет шинковать травы, крошить ножом лепестки свежих цветов, заливать винтажные баночки растворами самых удивительных оттенков и запахов, от которых на всю улицу растекался чудный аромат, завле-

кая прохожих в лавку. Любимой у Регины была сладкая нотка сирени: когда сиреневый запах разносился по всему дому, она ощущала, как в груди расцветают бутоны радости.

И хоть в памяти Регины детство было наполнено счастьем, не всегда дела их шли радужно. Часто переезжая, они с Гвендолин были вынуждены каждый раз начинать все с начала: искать подходящий дом, уговаривать снизить арендную плату за небольшой процент от доходов будущей лавки, печатать рекламные буклеты, наращивать клиентскую базу. В иных местах их вытесняли конкуренты, владеющие оккультным магазинчиком или торгующие заговоренными талисманами. Однажды это зашло весьма далеко: дом, который они арендовали, подожгли в ночи, и, если бы не мамина реакция, от них бы остались только косточки да угольки.

Многие недели после Регина с матерью перебивались с хлеба на воду, экономя буквально на всем. Но труднее всего было раз за разом видеть незнакомых людей, которые косо поглядывали на их дом и старались обходить его стороной.

Тишину пустующей лавки нарушил неожиданный перезвон колокольчиков над входной дверью и известил о госте. Регине сперва подумалось, кто-то просто решил спрятаться от дождя и юркнул в первую незапертую дверь. Но, подняв голову, она увидела уже немолодую женщину со светлыми уложенными волосами, которая суетливо складывала мокрый зонт. То была Марион Леннокс — она частенько заглядывала в «Лавку на Тихом холме».

Многие женщины, захаживавшие к ним в магазин, поначалу скептически осматривались, с недоверием

брали одну-другую склянку, знакомились с содержимым, иногда сую любопытный нос прямо в баночки, и ставили обратно, нервно поглядывая на Регину, будто та стояла с ножом у их горла и требовала непременно принести доход в кассу. Так было и в Дублине, и в Норидже, и теперь — в Бэйквелле, из-за чего жизнь все больше напоминала нескончаемый день сурка. Чаше всего боязливые гости уходили, так ничего и не купив, не забывая кинуть презрительный взгляд на прощание. Но время шло, и через неделю эти же женщины могли вернуться за парой баночек фиалкового настоя или верескового бальзама, не смотря при этом в глаза Регине. Она никогда не осуждала их и непременно улыбалась, вручая пакет с покупками; говорила стандартное «приходите к нам снова!», после чего покупательницы нервно поджимали губы и пулей вылетали из магазина.

В первый свой визит Марион Леннокс вела себя точно так же, вдобавок пустив молву о «практикующих черных ведьмах». Бэйквелл — городок крохотный, и сплетня разлетелась быстрее ветра. Благодаря стараниям Марион дела поначалу шли очень туго, пока миссис Леннокс случайно не столкнулась с Гвендолин в супермаркете. Там, стоя в очереди у кассы, мама убедила Марион взять на пробу бальзам для густоты волос, отдав баночку бесплатно, — она всегда носила с собой парочку экземпляров, рекламы ради. Миссис Леннокс, конечно, скривила губы, но баночку взяла. В ту самую минуту она и попала в сети Дарквудов, став их самой преданной клиенткой.

Весть о чудодейственных качествах зелий из «Лавки на Тихом холме» облетела городок так же быстро, как и ранние заявления Леннокс, и магазин наводнили женщины, нуждавшиеся в бережном уходе, искренней

любви и излечении давних болячек. Редко сюда забредали и мужчины, но, как казалось Регине, по большей части, чтобы поглазеть на Гвендолин. Это было не удивительно, мама ведь была очень красива: среднего роста, синеглазая, с чувственными губами цвета спелой малины и длинными, черными как смоль волосами, которые она любила собирать в красивые прически. Регина была ее точной копией, лишь с маленьким отличием в виде крохотной родинки слева под губой, но предметом восхищения всегда была Гвендолин. Мама умела околдовать любого, и, наверное, именно природные чары помогли ей однажды растопить холодное сердце Марион Леннокс, что бродила сегодня возле полок и выверенными движениями хватала с них нужные баночки.

Снабдив корзинку месячным запасом целительной артиллерии Дарквудов, Марион подошла к Регине.

— Ну и денек, правда? — фыркнула миссис Леннокс, потряхивая сырым зонтом. Небольшие лужицы скопились у ног женщины.

— Не то слово, — вздохнула Регина, бережно запаковывая несколько банок *«Сонного бальзама»* и настойку с экстрактом цикламена. Это растение часто использовали, желая повысить шансы к деторождению. Марион так и не познала счастья материнства, но отчаиваться, судя по всему, не собиралась. — Похоже, к ночи начнется настоящий шторм.

Регина рассчитала Марион, протянула крафтовый пакет и привычно сказала:

— Приходите к нам снова!

— Ты же знаешь, я прибегу и в дождь, и в снег, как только закончится *«Сонный бальзам»*, — подмигнула миссис Леннокс, забирая пакет с покупками. — Иначе

бессонница сведет меня с ума, и я снова буду злая как черт.

С этими словами Марион прощально махнула рукой и распахнула входную дверь. Колокольчики вновь зазвонили. В лавку ворвался сильный порыв ветра, чуть не сбив женщину с ног. С трудом она раскрыла зонт и, семеня ногами, побежала к машине, которую оставила неподалеку.

Регина взглянула на настенные часы: стрелки показывали семь пятнадцать. Регине подумалось, что едва ли еще кто-то сумасбродный решится высунуть на улицу нос в такую непогоду, и заперла входную дверь, не забыв повернуть обратной стороной табличку с надписью «Открыто». Захватив с прилавка недочитанную газету, Регина отправилась наверх, но, поднимаясь, испуганно вздрогнула: на улице оглушительно грянул гром.

Поздним вечером, как и предполагала Регина, разразился ураган. За окном бушевал взбесившийся ветер, а громыхало так сильно, словно раскалывались пополам небеса.

Из-за непогоды в доме сбила сеть, так что сегодня Регина оказалась полностью отрезана от виртуальной жизни. За неимением лучшего она расположилась в мягком стареньком кресле в комнате на втором этаже, где обитала последние полгода, и пыталась дочитать потрепанный сборник «Кельтских

сумерек» Йейтса*. Перечитывать по осени рассказы о таинственных существах из ирландских преданий стало чем-то вроде доброй традиции. На прикроватном столике похрипывал виниловый проигрыватель, неспешно прокручивавший пластинку с ненавязчивым фолком и соло Мойи Бреннан**, а на письменном столе рядом стояли несколько зажженных свечей с ароматом сандала и розмарина. Пламя подрагивало на сквозняке и вращалось в волшебном танце. Комната Регины была обставлена скромно, но уютно, однако привыкать к ней не стоило — мать снова грозилась скорым переездом.

Переезды — неотъемлемая часть их жизни. Порой Регина считала их с мамой кочевниками, неспособными прижиться ни на одном месте планеты Земля. Они объездили ряд городов Ирландии, затем Англии, и все это в течение каких-то шести лет. Нигде им не удалось пожить дольше полугода, но почему? Этим вопросом Регина часто донимала Гвендолин, но ответ всякий раз был одинаков — так надо. Можно было разозлиться и объявить бойкот, можно было плакать навзрыд и отказываться ехать, но Регина старалась не позволять себе вольностей — она привыкла доверять матери больше, чем себе. В конце концов, кроме Гвендолин у Регины никого не было, отца она никогда в глаза не видела. Вопрос об отце был вторым по частоте в детстве, но и здесь Регину постигла неудача: мать напрочь отказывалась о нем рассказывать. «Он

* «Кельтские сумерки» — сборник рассказов и статей об ирландском фольклоре, написанный ирландским англоязычным поэтом и драматургом Уильямом Батлером Йейтсом.

** Мойя Бреннан — ирландская певица, исполнительница песен в жанре фолк, нью-эйдж.

умер», — говорила Гвендолин, и на том всегда обрывала разговор, не оставляя никаких шансов выяснить хоть какие-то подробности.

Регина часто меняла школы и потому не могла завести более-менее крепких знакомств, не говоря уж о крепкой дружбе. Порой они уезжали в такой спешке, что она не успевала даже попрощаться с новыми одноклассниками или соседями, и исчезала, словно дым.

Регине иногда казалось, что мать как будто боится чего-то, раз так стремительно собирает их пожитки и срывается, куда глаза глядят. Однажды Регина вернулась с вечернего киносеанса, была уже почти ночь. Как только она перешагнула порог двери, мать вихрем налетела на нее с кучей чемоданов и велела вызвать такси. «Мы уезжаем», — только и сказала она в ответ на стоны и возражения дочери. Регина помнила, каким безумным и напуганным тогда был взгляд матери, руки ее дрожали, голос выдавал тревогу. Может, ее отец вовсе не был мертв, как утверждала Гвендолин, и преследовал их, желая причинить зло? Других предположений на ум не приходило, чтобы оправдать параноидальное состояние матери, в которое та иногда впадала. В итоге они закинули вещи в такси, поехали на автовокзал, а на вопрос: «Куда мы теперь?», мать ответила: «Не знаю». Они уносились прочь снова и снова, бесцельно, без плана, и это пугало Регину куда больше тревожного лица Гвендолин.

От кого они убегали?

Этот неведомый страх передался Регине и стал частью ее существа. Возможно, поэтому со временем внезапные материны порывы к поиску нового пристанища стали ей так привычны. «Нужно, значит нуж-